

УДК 101
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-260-269
EDN BDMPUR

Русская философия как жемчужина русской культуры

Чернышова Е.В.

Московский государственный институт культуры,
Россия, 141406, г. Химки, Московская обл., ул. Библиотечная, д. 7
7828706@mail.ru

Аннотация. В работе показано, что восприятие русской философии как самобытной в отечественном философском дискурсе и за пределами России связано с необходимостью принятия широкого спектра форм, посредством которых существует философия в нашей стране. Стремление русских философов выйти из узкого круга национальной культуры зачастую выражалось через литературу и воспринималась извне как отсутствие философии в России. Проективный, практический характер русской философии, наиболее ярко выраженный у Н. Ф. Федорова, многими воспринимался даже не как философский, а, скорее, как околонуточный утопический проект. В итоге данной работы сделан вывод о существовании различных форм выражения глубинной русской философии, отражающих образ человека, который стремится привести полноту истины во все сферы своей жизни и творчества, – человека России.

Ключевые слова: русская философия, русская литература, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А. Платонов

Для цитирования: Чернышова Е.В. 2025. Русская философия как жемчужина русской культуры. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(2): 260–269. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-260-269 EDN: BDMPUR

Russian Philosophy as a Pearl of Russian Culture

Evgeniya V. Chernyshova

Moscow State Institute of Culture,
7 Bibiotechnaya St, Khimki, Moscow region 141406, Russian Federation
7828706@mail.ru

Abstract. The paper shows that the perception of Russian philosophy as an original one, both in domestic philosophical discourse and outside of Russia, is related to the need to accept a wide range of forms through which philosophy exists in our country. The desire of Russian philosophers to escape the narrow circle of national culture was often expressed through literature and was perceived from the outside as the absence of philosophy in Russia. The projective, practical nature of Russian philosophy, most clearly expressed in N.F. Fedorov, was often perceived not as philosophical, but rather as a near-scientific utopian project. The article concludes that there are various forms of expression of deep Russian philosophy that carry the image of a man who strives to bring the fullness of truth to all spheres of his life and creativity – the man of Russia.

Keywords: Russian philosophy, Russian literature, A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, A. Platonov

For citation: Chernyshova E.V. 2025. Russian Philosophy as a Pearl of Russian Culture. *НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 260–269 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-260-269 EDN: BDMPUR

Русская культура необычайно богата своими творческими дарами в различных сферах: и в художественной, и в духовной, и в нравственной, и в естественнонаучной. Хорошо известно, что такое русская литература, русский театр, русский балет, русское искусство, русская наука, русское подвижничество и героизм. Здесь ее достижения бесспорны, очевидны и универсальны, они простираются далеко за пределы национального бытия, питая всемирно-историческое древо человечества своими бессмертными творениями.

Но что такое русская философия? Существует ли она вообще? И если существует, то какова ее специфика? Задавая эти вопросы, мы вступаем в довольно неопределенную и даже опасную зону, поскольку именно здесь разворачиваются самые непримиримые споры между теми, кто отрицает русскую философию, а вместе с ней и Россию, и теми, кто видит, чувствует, любит ее, и для кого ее бытие также неоспоримо, как и бытие русской культуры и русской истории. Так уж сложилось, что во многом граница принятия/непринятия России проходит по линии принятия/непринятия ее философии. И это не случайно: философия в России играет особую роль. И если поэт в России больше, чем поэт, то философ – подавно.

Определенной сложности вопросу о русской философии придает и сам вопрос о философии как таковой. И здесь тоже нет и не было никогда никакой однозначности. Начиная с античных времен, вплоть до ее современного состояния, философия профессиональным сообществом определялась весьма различно. Если сравнить мысли о философии Платона, Аристотеля, Сенеки, Августина, Фомы Аквинского, Паскаля, Декарта, Бэкона, Вольтера, Канта, Шопенгауэра, Ницше, не говоря уже о представителях XX и XXI веков, то может сложиться впечатление, будто речь идет о разных предметах. А когда в XIX веке в этот европейский поток включаются и русские философы, то картина усложняется невероятно, придавая и без того сложному вопросу о философии особой национальной остроты и драматизма, далеко не в последнюю очередь связанных с нашим особым типом культуры и цивилизации. Судьба русской философии неразрывно связана с судьбой России.

Ближайший исторический контекст возникновения острых вопросов о русской философии – это первая половина XIX века, когда в российском обществе появляется жесткая полемика о России, ее судьбе, особом историческом пути и духовной миссии. И нужно сказать, что она не прекращается и по сей день, зачастую делая оппонентов непримиримыми врагами. А это в глазах иных народов странно, поскольку вызывает недоумение: почему более чем за тысячу лет своего существования Россия не может определиться в историко-культурных и геополитических приоритетах, причаливая попеременно то к Западу, то к Востоку, то к Европе, то к Азии, то образуя нечто среднее между ними? И это, похоже, тоже является одной из особенностей русской культуры – постоянный поиск своих начал, вечное странствование по безбрежному морю истории и бытия. В глазах недругов России – это ее очевидная слабость и недостаток, но более проникновенный взгляд, не ограничивающийся считыванием поверхностного слоя реальности, обнаруживает в этом своеобразие отечественной культуры, основанное на представлениях о том, что такое человек, мир, история. Эти представления часто непонятны тем странам и народам, которые привыкли жить в ясном, прагматичном, рационально управляемом мире, в котором на первом месте находятся, казалось бы, очевидные блага: материальный достаток и бытовой комфорт. И хотя эти блага не отрицаются, поскольку Россия не страна аскетов и отшельников, все же смысл человеческого бытия здесь видится в ином. Не зря же гениальный поэт и блестящий дипломат, чуткий к историческим реалиям, Федор Тютчев, произнес одну из самых сокровенных формул русской жизни и культуры: «Умом Россию не понять».

Каким умом? Здесь это очень важный вопрос. Прежде всего, стандартным западным умом, который есть мера меркантильности, практичности, мелковатым для духовных,

нравственных и метафизических запросов человека. Такой ум не может понять не только Россию, он вообще сторонится всего, что выходит за грань его корыстных интересов. «Русский послушен голосу совести, он исповедует его и жертвует собой» [Шубарт, 2000, с. 69], – писал немецкий философ, тонкий знаток русской души и культуры Вальтер Шубарт, во многом противопоставляя ее западной «фаустовской» душе, устремления которой направлены на покорение мира с целью господства над ним. Вот почему именно западная цивилизация так старательна в техническом развитии. Техника, если сделать очень широкое обобщение, возникает там, где кончается дух, где человек перестает быть человеком. И не случайно идея наполовину цифрового уже не-человека, а постчеловека появляется в западном контексте. И она набирает популярность.

Возвращаясь в XIX век, нужно сказать, что в качестве одного из главных застрельщиков идейного спора между сторонниками русской самобытности и ее противниками был философ Петр Яковлевич Чаадаев. В своих «Философических письмах» он высказал идеи, которые способствовали оформлению двух противоположных идеологических лагерей относительно России, ее прошлого, настоящего и будущего. Уже в первом письме мыслитель выражает весьма критическое, скептическое и даже уничижительное отношение к России, в котором, однако, чувствуется зародыш идеи ее самобытности. В его воззрениях, явно односторонних, сквозит одновременная идеализация Европы и абсолютизация недостатков России. И поэтому такие возвышенные интонации по отношению к Европе: «Невзирая на все незаконченное, порочное и преступное в европейском обществе, как оно сейчас сложилось, все же царство Божие в известном смысле в нем действительно осуществлено, потому, что общество это содержит в себе начало бесконечного прогресса и обладает в зародыше и в элементах всем необходимым для его окончательного водворения в будущем на земле» [Чаадаев, 1991, с. 336], при одновременном принижении потенциалов России: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [Чаадаев, 1991, с. 325]; «мы составляем пробел в интеллектуальном порядке» [Чаадаев, 1991, с. 330].

Хрестоматийным ответом, ставшим своего рода каноном истинной любви к своему отечеству, являются слова А. С. Пушкина в письме к Чаадаеву: «Клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую дал нам Бог» [Пушкин, с. 587]. Весьма показательным, что именно Пушкин – творец русского национального языка, языка литературы и философии, дает такой ответ. Конечно, и Чаадаев любил Россию и желал ей блага, как он видел; и все же пиетет перед Европой, ее культурой, образованием, наукой и религией, по крайней мере, на уровне первого письма, он выражает очень настойчиво, очевидно не выказывая того священного чувства благоговения перед Родиной, которое выразил Пушкин. Если обозреть в целом творчество Чаадаева, то станет очевидно, что совершенно неоправданно, как это часто делается, записывать его в западники, которые в своем радикальном запале вообще отрицают какой бы то ни было самостоятельный путь развития России. Да и к Европе, если быть справедливым, он тоже достаточно критичен. Лишь ревностные адепты либеральной Европы в России и составляют традиционно класс отрицателей самобытной и великой русской культуры. Сами они представляют собой вторичное и малозначимое явление как в духовной жизни Европы, так и России, и на них не распространяется титул не только великих, но и вообще творцов культуры. Отрицание не может быть творчеством.

Но значимость парадоксальных и провокационных для своего времени мыслей П. Я. Чаадаева огромна; отрицая русское историческое бытие, он способствовал тому, чтобы оно проявило себя на высшем уровне. И во многом это помогло «пробуждению» русской философии. И здесь мы выходим на вопрос, заданный в самом начале: существует ли русская философия и в чем ее специфика?

В России в XIX веке происходит важнейшее для ее духовной культуры событие – *рождение философской литературы, философского языка, но не самой философии*. Философия как философствование существовала на Руси всегда, но в особых, отличных от западноевропейских, формах. Бытовала она и в русских песнях, и в монашеской практике, и в странничестве, и в иконописи («умозрении в красках»), и в древнерусской литературе, и в юродстве как философии поступка.

Человек в силу своего положения в мире просто не может не философствовать, тем более народ. В глубинном смысле философия прирождена человеку, она как бы изначально «вмонтирована» в его ум и душу. Любой мало-мальски думающий и переживающий человек, увидев «звездное небо над головой и моральный закон внутри», как говорил Кант, осознав смерть в первом лице, столкнувшись со смертью других – и близких и дальних, испытав любовный восторг и боль любви, почувствовав муки совести, пережив радость творческого вдохновения и ужас творческого кризиса, глядя на невообразимое многообразие существующего мира, невольно обретая веру в Творца и постоянно ее теряя, не может хотя бы на время не задаться философскими вопросами: что все это, что все это значит, кто я, почему я здесь, зачем вообще мир и как он возможен, есть какая-то цель и смысл в этом непонятном, ужасном, но таком чудесном и таинственном бытии? И это не вопросы философа-профессионала, получившего соответствующее образование в университетских стенах, это вопросы, которые волнуют любого, без исключения любого человека, если он, конечно, считает себя человеком и хочет им быть. И народ, создавший мощное государство и великую культуру, просто не может не иметь философии.

Когда речь заходит о начале русской философии, о философии допетровского периода, то здесь необходимо прибегнуть не только к значимому для России разделению философии на трактатную (научную) и нетрактатную (вольную), но и вообще на вербальную и невербальную формы философии.

Невербальная философия ставит те же вопросы о мире, что и вербальная, но в таких нетипичных для академической философии формах, как живопись (иконопись в данном случае), архитектура, музыка, подвижничество (странничество, отшельничество, юродство), да и простое созерцание мироздания. Вспомним мечтателя из «Белых ночей» Достоевского – какие мысли возникали в его сознании от одного только наблюдения над окружающей его действительностью. Здесь нет прямого вопроса о смысле бытия, как в вербальной философии, но метафизический ресурс искусства и нравственный образ жизни по сути выполняют ту же функцию, и возможно, даже более точно и глубоко.

Возможности вербальной и тем более трактатной философии достаточно ограничены; они никогда не могут удовлетворить всех глубинных запросов человеческого духа, который, как хорошо известно, всегда томим «духовной жаждою». Претензия рациональной философии постичь мироздание в целом, создать непротиворечивую систему всего, картину всей природы, всегда оказывается невыполненной и оставляет человека неудовлетворенным и разочарованным в философии. Очень точно по этому поводу выразился Жуковский в стихотворении «Невыразимое»: «Что наш язык земной пред дивною природой?»

Среди невербальных форм жизненного философствования интересен феномен русского юродства. Многие вполне правомерно полагают, что это явление присуще исключительно русской духовной культуре и не имеет аналогов, прежде всего на западе. И поэтому оно непонятно, вызывает неприятие, страх и отторжение, особенно когда некоторые черты конкретного юродивого проецируются на весь народ, тем более что многие юродивые были святыми, а это значит, что такой тип поведения и личности имел особо высокий нравственный статус в России.

Это не что иное, как «философствование в поступке»; можно писать тексты об иллюзорности и обманчивости видимой реальности, как, например, Платон или

Шопенгауэр, а можно, как Сократ или киники, своим практическим образом жизни показывать неправду существующей действительности. То же самое мы находим и у русских юродивых. Например, один из самых известных русских московских юродивых святой Василий Блаженный, в честь которого назван один из самых знаменитых русских храмов на Красной площади, приставал к прохожим, буквально задирает их, неприлично вел себя, буянил, да к тому же ходил голым. Это типичное поведение философов-киников, которых можно с полным правом считать предтечами «юродивых Христа ради», наподобие того, как Отцы церкви называли некоторых языческих философов, в том числе Гераклита, Платона и Аристотеля, «христианами до Христа».

Но в XIX веке культурная ситуация в России поменялась: потребовался язык, на котором философия могла бы изъясняться так, чтобы она одновременно исходила из национальной традиции и была понятна миру. Встал вопрос о вербальной философии, национальной метафизике России. И таким языком стала русская литература, взявшая на себя те функции, которые в Европе принадлежали университетской философии. Это не означает подмену литературы философией или искусственное полагание философии литературой. Литература – наиболее подходящий язык для выражения нравственных вопросов, которые в России имеют определяющее значение. Что возможно для свободного художественного языка, невозможно для трактатного. К тому же, наследуя корневые традиции древнерусской дидактической литературы, писатели XIX века восприняли глубоко эти традиции учительского слова, в которых этика имеет приоритет перед эстетикой.

Вообще литература в России имеет особый бытийный статус и экзистенциальное значение. Россия, как тонко подметил И. Бродский, «в состоянии осознать себя только через литературу» [Бродский, 2015, с. 220]. Литература как бы компенсирует недостаточную развитость социальных институтов, имеющих политико-правовую регламентацию, как на Западе. Писатель в России в XIX веке – это властитель дум, социальный оракул и религиозный проповедник одновременно. У него искали помощи и защиты, у него искали ответов на злободневные и вечные вопросы. Не случайно известная «Пушкинская речь» Достоевского стала явлением общенационального масштаба. По силе и глубине проникновения в историческую судьбу России, в ее духовно-культурную миссию с Достоевским рядом нельзя было поставить никого. А функция писателя как «инженера человеческих душ», культивируемая в советский период, своими корнями уходит и в XIX век, и, соответственно, в дидактическую литературу Древней Руси. В этом смысле русскую культуру правомерно определять через литературу, а русскую философичную литературу считать жемчужиной культуры.

Здесь необходимо обратиться к еще одной фигуре отечественной словесной культуры этого периода – поэту и философу Дмитрию Веневитинову. Его роль в становлении самобытной русской философии представляется более значимой, чем роль Чаадаева. Если последний через отрицание русской истории и культуры стимулирует национальную мысль, то Веневитинов прямо формулирует позитивную программу философского развития России. К тому же Чаадаев не был писателем, он позиционировал себя исключительно как «христианский философ». И его творчество во многом послужило становлению той ветви нелитературной религиозной философии, к которой первоначально примыкали и славянофилы.

В небольшой статье Веневитинова «О состоянии просвещения в России» говорится о необходимости философии для России. Находясь под влиянием немецких романтиков, в особенности философии Шеллинга, Веневитинов полагал, что истинная цель просвещения заключается в самопознании народа и что философия рождается из мистических глубин народного, национального духа. Эти глубины он усматривал не в религии, как это делали впоследствии славянофилы, а в литературе. Но для этого, по его мнению, необходимо остановить подражательность инокультурным веяниям, прежде всего французской моде в

литературе. Современные поэты, с точки зрения Веневитинова, разучились мыслить, и это их главный порок, который принесло французское влияние. «У нас чувство, – пишет он, – некоторым образом освобождает от обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усвершенствования» [Веневитинов, 1934, с. 219]. Эти слова были сказаны Веневитиновым в 1827 году. А немного раньше, в заметке 1824 года, Пушкин пишет: «Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского – все наши писатели на то жаловались, – но кто же виноват, как не они сами. ... У нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке – метафизического языка у нас вовсе не существует... ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснились: проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны» [Пушкин, 1938, с. 261].

В этих словах дан исчерпывающий анализ русской словесности того периода, главный изъян которого – отсутствие собственного языка не только в философии, но и в литературе. Заимствование, в частности употребление французского языка, – скорее следствие, чем причина такого положения. Еще, конечно, леность, подмеченная Пушкиным, традиционная леность образованного сословия, проявляющаяся в нежелании трудиться на ниве родной культуры. Это болезнь русской интеллигенции, о которой будут много говорить русские философы Серебряного века. И Веневитинов, как бы в ответ на запрос Пушкина, создает программу возрождения отечественной словесности, в недрах которой должна созреть своя философия. Национальная философия, согласно Веневитинову, возможна лишь в национальном языке, который есть язык литературы, – так можно выразить его главную идею, заключающуюся в *синтезе литературы и философии*.

В этом контексте всегда возникает вопрос о правомерности этого литературно-философского синтеза, о возможности в литературе усматривать форму философского языка. Вопрос и решенный, и неразрешимый одновременно. Для аристотелевской, рационалистической, понятийной традиции такое отождествление философии и литературы неправомерно; это разные жанры, и образ (основное в литературе) не совпадает с понятием (основное в философии). Эта традиция весьма распространена, но это лишь одна традиция. Если обращаться к античности, то мы встречаем и другую важнейшую фигуру – философа Платона, который в диалогах драматургически выражал философские идеи.

В этом смысле строгого запрета на выражение философских идей в литературе в принципе не может быть. Россия как логоцентричная культура, то есть культура, для которой *святость слова* имеет определяющее значение, наделила литературное слово большим философским значением. И если западное философское слово, вызревшее в схоластическом контексте университетского знания, было направлено преимущественно на познание мира, то русское, исходящее из трагических глубин бытия, стремилось к духовному постижению и нравственному преображению мира и человека. В этом заключено одно из важнейших отличий русской и западной философских культур.

У Веневитинова есть сильный теоретический постулат о философичности поэзии: «истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения» [Веневитинов, 1934, с. 218]. Поэт не столько пророк, хотя и пророк, этого у него нельзя отнять, но и философ, постигающий глубинную суть мироздания. Шутливые строки Пушкина к Вяземскому о том, что «поэзия должна быть глуповата», никоим образом не противоречат тому пониманию назначения

поэзии, которого придерживался Веневитинов. Пушкин имел в виду в данных словах флирт с красавицей, несколько не затрагивая миссии поэта, когда его призывает к своей «священной жертве Аполлон». Удивительно, что слова Веневитинова через некоторое время повторяет Достоевский, несколько видоизменив их. Он напишет: «Поэт в порыве вдохновения разгадывает Бога, следовательно, исполняет назначение философии. Следовательно, поэтический восторг есть восторг философии. Следовательно, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!» [Достоевский, 1972–1990, с. 54]. Примечательно, что для Достоевского «разгадывание Бога» есть назначение философии, а не теологии, не религии в целом. Очевидно, что Бог здесь выступает не столько в конфессиональном смысле, сколько в виде высших метафизических свойств бытия.

Такой гимн философии, по сути, апологию философии, встретишь не часто. Очевидно, что речь здесь идет не о той философии, о которой мы говорили раньше, о философии рационалистической и аналитической. Философия в понимании Веневитинова и Достоевского приближается к вершинам бытия, к самой сердцевине человеческого смысла жизни и его метафизической судьбе. К теоретической философии Достоевский относился отрицательно, говоря, что «в философии я шваховат». Но именно такая философия, к сожалению, стала ассоциироваться с философией как таковой, что неправомерно. Перемещаясь в эпицентр литературы, философия перемещалась к человеку, тайну которого Достоевский и взялся разгадывать как литератор, посчитав это самым важным делом в жизни.

Русская философия складывалась по преимуществу как жизненное дело, для которого важна не столько рефлексия, сколько поступок. Философия «общего дела» Н. Ф. Федорова, в которой ставится вопрос о радикальном преодолении смерти как источника зла и несправедливости – наиболее яркое и сильное проявление нравственно-практического характера русской философии. Одно, наиболее характерное, высказывание философа: «Сознавать свою смертность значит осознавать каждому общую причину своих частных, личных бедствий, ибо смертность есть общее выражение для всех бед, удручающих человека» [Федоров, с. 200].

От XIX века русской философичной литературы прямая дорога в век двадцатый. Здесь такое неимоверное «обилие щедрот», что все это богатство ни описать, ни систематизировать не представляется никакой возможности. Серебряный век, эмигрантские волны, советская литература (особенно деревенщики), постсоветский этап – все это включает бесчисленное количество имен и произведений, инвариантной чертой которых будет выступать глубокая философичность и поиск нравственной истины. Несмотря на значительную идеологизированность советской литературы, корневые свойства правдолюбия и совестливости в ней проявились сполна. Василий Шукшин и Валентин Распутин – яркое тому подтверждение.

Глубокой философичностью, не умаляющей художественных достоинств, исполнены произведения Антона Чехова, Ивана Бунина, Владимира Набокова, Гайто Газданова, Леонида Андреева, Михаила Арцыбашева и многих, многих других блистательных авторов. Как утверждает И. Бродский, русская литература в XX веке пошла за Толстым, а не за Достоевским, поскольку на последнем Провидение отыграло свою высшую метафизическую партию, ни повторить, ни продолжить которую невозможно. Разве лишь за одним исключением, да и то с большими оговорками.

Этим исключением является Андрей Платонов, творчество которого Бродский охарактеризовал в терминах «философского бешенства». Характеристика, прямо скажем, не совсем лицеприятная, злая, но весьма точная. Это не просто философия, философия спокойная, эпичная, как у Толстого и Бунина, это философия, которая не оставляет никаких шансов читателю. Показывая тупиковую ситуацию в языке, философия Платонова раскрывает печальную истину трагического абсурда человеческого

существования. Все это исполнено вопреки: вопреки грамматике, вопреки синтаксису, вопреки здравому смыслу, вопреки жизни и смерти. Единственной предтечей этого немислимого мероприятия, которое, кажется, случайно попало в литературу, является Достоевский. Но не стилистически, не тематически, а по своей безумной миссии – сказать миру такое слово, которое вывернет его наизнанку.

О языке Платонова было сказано предостаточно. Мимо него нельзя просто пройти; он – как корявый куст – обязательно зацепит, поранит и разорвет в клочья сначала одежду, потом кожу, а потом и душу. И нужно честно признать, охотников здесь немного. И при всей значимости и теперь уж всемирной признанности, истинных читателей у Достоевского и Платонова мало. Но мало их и у Ницше, и у Шопенгауэра, мало их у Августина, Марка Аврелия и Платона. Мало их и у Библии. Это литература не для отдыха, и уж тем более не для развлечения. Это для работы, для важной работы человеческого существа, которое должно непрестанно трудиться над смыслом своего бытия. Ведь не зря же сказано: «Душа обязана трудиться». Философия и есть самый важный и первый труд души, без которого она чахнет, хиреет и умирает.

В этом смысле Платонов очень трудный автор. Но при этом корневая традиция правдолюбия проявлена у него буквально на поверхности. Важно ее видеть и не потерять за сложностями и темнотами его языка. Ведь язык автора при всей его значимости не является самодовлеющей сущностью. Не язык творит реальность, не он ее отражает. Нужно всегда чувствовать то, что за языком. А за ним не только «объективная реальность», но и «внутренний мир» автора, который находит в себе тот язык, который близок его сокровенному.

Слова из повести «Котлован» «мне без истины стыдно жить» во многом являются тем сокровенным, которым всегда жил Платонов. Это отражено и в его жизни, в самых значительных фактах биографии писателя, в том числе и военной. Можно сказать, что таково жизненное кредо, совпадающее с творческим заданием. В самой фразе скрыта глубокая философичность, присущая русскому миропониманию. В традициях западной философии истина – категория теории познания: это соответствие суждения факту. И как таковая она находится вне нравственной оценки. В русской культуре истина приобретает нравственное значение. Это не просто соответствие факту, это соответствие Абсолюту, высшей правде. Истинна в нравственном измерении – правда, что и зафиксировал Платонов, применив к ней нравственную категорию стыда.

Русское сознание стыдится жизни вне правды, достичь которую оно стремится более всего. И поэтому мы видим такой страстный поиск смысла жизни, которого нет ни в одной другой философии, литературе, культуре. Вся повесть «Котлован», как и большинство написанного Платоновым, это поиск смысла – смысла своего и всеобщего существования. Затея совершенно бессмысленная для прагматичного и утилитарного западного сознания, подменившего смысл многочисленными целями, ставшим «проектами». Жизнь в проекте – это западный вариант; жизнь в смысле – русский.

Будет смысл будет и счастье – так можно выразить эту философию смысла. Искать его в чем-то ином, в «материализме» не как конкретной революционной идеологии, а в материальных вещах, бесполезно. В них нет ни смысла, ни счастья. А смысл жизненно необходим, ибо, как хорошо известно, «не хлебом единым». И конечно же, у Платонова это не рациональный смысл, нацеленный на пользу и выгоду. Это тот душевный «согревающий поток смысла жизни», о котором говорил Достоевский в Братьях Карамазовых» в диалоге Ивана и Алеши:

«– Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

– Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно, чтобы прежде логики, и тогда только я и смысл пойму».

Порядок такой: жизнь – любовь – смысл. Но не наоборот. В обычной и обыденной жизни как раз все иначе: человек пытается найти какую-то логику, а через нее оправдать свои действия. Но это приводит к разочарованию, потому что логика без любви – ничто, она не дает не удовлетворенности, ни удовольствия, ни счастья, в конечном счете. Более того, она приводит к распаду жизни через погружение ее в пучины внутренних и внешних противоречий, невозможности постижения хаоса как этапа любого бытия и события, и как следствие – к депрессии и апатии.

Но как полюбить жизнь? Можно ли ее полюбить со всеми ее несовершенствами, горестями и бедствиями? Простой любовью жизнь полюбить нельзя, можно только духовным или мистическим чувством, которому открывается целое бытие, в котором видна его неслучайность, гармония и совершенство. Именно к такому смыслу и стремился Платонов, увлекая своих читателей невероятным языком и невозможными перспективами.

Вообще фраза «мне без истины стыдно жить» – это «взрыв сознания», разрушение устоявшихся клише философского рационализма. Здесь сопрягаются понятия из разных смысловых и ценностных измерений, которые соединяются в неэвклидовом пространстве русского писателя, выразившего невозможную, но единственно истинную правду человеческого существования.

Линия русской религиозной философии, идущая от славянофилов через Вл. Соловьева и Н. Ф. Федорова и завершающаяся в религиозно-философском ренессансе, суть которой заключается в апологии христианства в Платонове, окончательно расходится с линией нравственной философии, которая средствами литературы ставит самые высокие, предельные, страшные вопросы о человеке. Эти вопросы не только не ушли в прошлое, но со временем становятся все более насущными и значимыми. В самой ясной и безыскусной форме он сформировал свое философское кредо так: «...Я человеком только хочу быть. Для вас быть человеком привычка, для меня редкость и праздник» [Платонов, 2006, с. 17]. Такая простая, но невероятно сложная задача – «быть человеком». Но именно это и есть самое сокровенное, именно здесь живет и формируется жемчужина русской культуры – ее философия.

Список источников

- Пушкин А.С. 1938. Полное собр. Соч. Т. 6. М., Худ. лит. 656 с.
Пушкин А.С. 1936. Полное собр. Соч. Т. 5. М.: Худ. лит., 733 с.
Достоевский Ф.М. 1985. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. Л., 551 с.
Платонов А. 2011. Котлован. М., 473 с.
Платонов А.П. 2006. Записные книжки. Материалы к биографии. М., ИМЛИ РАН, 424 с.

Список литературы

- Шубарт В. 2000. Европа и душа Востока. М., Русская идея, 446 с.
Чаадаев П.Я. 1991. Философические письма. В кн.: Полное собрание сочинений и избранные письма. Том I. М, Наука: 320-440.
Бродский И. 2015. Дитя цивилизации: Избранные эссе. СПб., Лениздат, 221 с.
Веневитинов Д.В. 1934. Полное собрание сочинений. М.-Л.: АCADEMIA, 533 с.
Федоров Н.Ф. 1995. Собрание соч. Т. II, М.: Прогресс, 544 с.
Зеньковский В.В. 1955. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Paris: YMCA-PRESS, 283 с.
Одоевский В.Ф. 1975. Русские ночи. Л.: Наука, 325 с.

References

- Shubart V. 2000. Europe and the soul of the East. Moscow, Russkaya ideya, 446 p.
Chaadaev P.Ya. 1991. Philosophical letters. In: Complete Works and Selected Letters. Vol. I. Moscow, Nauka: 320-440.

- Brodskii I. 2015. *The Child of Civilization: Selected essays*. St. Petersburg, Lenizdat, 221 p.
Venevitinov D.V. 1934. *Complete Works*. M.-L., ACADEMIA, 533 p.
Fedorov N.F. 1995. *Collection of op.* Vol. II, Moscow, Progress, 544 p.
Zen'kovskii V.V. 1955. *Russian thinkers and Europe. Criticism of European culture by Russian thinkers*. Paris, YMCA-PRESS, 283 p.
Odоеvskii V.F. 1975. *Russian Nights*. Leningrad: Nauka, 325 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.10.2024

Поступила после рецензирования 14.04.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received October 14, 2024

Revised April 14, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чернышова Евгения Владимировна, соискатель кафедры философии, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия.

Evgeniya V. Chernyshova, External postgraduate student of the Department of Philosophy, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia.